

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 255 – 262.

УДК 81'42

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ МОДУСЫ ОБЩЕНИЯ

В. И. Карасик

*Волгоградский государственный педагогический университет,
г. Волгоград*

Статья посвящена описанию интерпретативных модусов общения в зависимости от степени коммуникативной точности дискурса. Последний может быть принципиально неточным, относительно точным и принципиально точным. Единицы указанных модусов определяются автором соответственно как эпиномы, эргономы и акрономы.

Ключевые слова: дискурс, модус, акрономы, эпиномы, эргономы.

Постановка проблемы. Дискурс представляет собой многомерное образование. Общение может быть сориентировано на разную степень коммуникативной точности и, соответственно, может носить принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный характер. Соответственно выделяются интерпретативные модусы общения в зависимости от степени его коммуникативной точности.

Принципиально неточный дискурс имеет место в тех ситуациях, когда назначение общения состоит в поддержании контакта и выражении эмоций. Обмениваясь приветствиями, подтверждая свое участие в диалоге с помощью вербальных и невербальных знаков, коммуниканты не сообщают друг другу каких-либо сведений о мире, но фиксируют свои взаимоотношения с помощью этикетных клише. Такое общение получило в лингвистике и культурологии название фатической коммуникации, которая трактуется в узком и широком смыслах: в первом случае имеются в виду установление, поддержание и размыкание контакта, во втором случае — различные речевые жанры, содержание которых не представляет собой обмен информацией (светская беседа, ссора, разговор по душам и др.) [1]. Вместе с тем неточный дискурс выходит за рамки поддержания контактов в тех случаях, когда один из его участников намеренно или помимовольно изъясняется неточно: «*А как она прикручивается?*» — «*Чехол снимешь, увидишь, там есть такая штучка, на нее надо легонько нажать, и это*». Такого рода общение предполагает активное использование указательных знаков. Это может быть жестовая указательность или дейктическое слово. В особых ситуациях это может быть развернутая речь, в которой не содержится никакой информации. В политическом дискурсе весьма частотны случаи красноречивого умалчивания [3]. Например:

— *Какие меры Вы собираетесь принять по наведению порядка в городе?*

— *Прежде всего, нужно навести порядок. Это — главное. Если порядок не наведешь, то все усилия будут затрачены впустую. Так не раз уже было. Поэтому обязательно будем наводить порядок.*

Политик уходит от ответа, его речь движется по замкнутому кругу, она не дискурсивна, а рекурсивна.

Рекурсивные высказывания могут встречаться также в научном общении. Часто бывают неинформативными фразы, используемые в качестве зачина к научным работам: «*Последнее время изучение дискурса привлекает к себе внимание многих исследователей*». В любом научном тексте есть позиции, в которых предполагается максимально информативное содержание, в жанре диссертаций это — выводы и положения, выносимые на защиту. Тезис о том, что язык связан с культурой, может быть информативным на лекции по введению в языкознание, но вряд ли является таковым в качестве вывода из выполненного диссертационного исследования.

Единицы неточного дискурса предлагается называть **эпиномами** (греч. *эпи* — «над, на поверхности», ср. *эпицентр*; *ном* — «закон»).

Эпиномы распадаются на два типа — диктальные и модусные (в соответствии с противопоставлением диктума и модуса, по Ш. Балли). Диктальные эпиномы отвечают потребностям приблизительной номинации [5]. В обиходном общении нет необходимости точно обозначать многие объекты, достаточно указательных характеристик. Подчеркну, речь идет не о специальных знаках приблизительности (*вроде, типа, как бы*), а о словах с размытой семантикой, часто с субъективным осмыслением:

Да она такая росомаха, вечно документы теряет!

В эпиномном общении слово *росомаха* радикально меняет смысл и обозначает не хищного зверя, а неряшливого, неорганизованного человека. Особенность таких словоупотреблений состоит в их активном фоносемантическом осмыслении. Подобным образом дети рассказывают о событиях, которые их потрясли, например:

А он как — бац! А этот — шмяк! А он — ды-ды-ды-ды-ды!

Весьма частотной разновидностью диктальных эпиномов являются распространённые политические термины, которые воспринимаются сугубо эмблематически, т. е. как знаки принадлежности к своим или чужим. Так, например, многие американцы воспринимают слово *democracy* в размытом значении (демократия — это свобода, западный стиль жизни, всё, что свойственно Америке) [6].

Распространённым термином в наши дни, воспринимаемым в качестве эпинома многими нашими современниками, является слово *нанотехнологии*. Приведу пример того, как неточное понимание явления эксплуатируется в нашей социальной практике (материал взят из новостного выпуска, размещенного на сайте www.mail.ru 14.05.2010).

Маленькие частицы — за большие деньги. То, что ученые позиционируют как светлое будущее науки, предприимчивые аферисты сделали выгодным настоящим для своего бизнеса. Покупателям теперь активно продают нанотехнологии. О присутствии мельчайших частиц и их чудодейственных свойствах говорится в аннотациях к самым разным товарам — от белья до автокосметики.

Что значит «нано», чуть ли не раньше ученых поняли бизнесмены. Это деньги. И серьезные. Впрочем, посторонним о чудесных свойствах наноматериалов в быту рассказывать деловым людям некогда. Только клиентам и по секрету.

Это структуратор воды «Росинка». Хотя непосвященному в основы нанонауки потребителю структуратор может показаться обыкновенной деревянной подставкой. Чтобы прибор заработал, нужно поставить на него стакан с водой и мешать ее по часовой стрелке ровно 5 минут. Жидкость станет энергетически и информационно благоприятной. Специалисты из «Роснано» для таких изобретений даже придумали специальный термин.

Таким образом, диктальные эпиномы оказывают существенное влияние на поступки людей.

Модусные эпиномы отличаются размытостью семантики и гипертрофированной эмоциональностью. В качестве прототипных единиц этого подкласса выступают междометия. Несмотря на то, что междометия достаточно разнородны (слова для выражения чувств (*ой*), оклики (*ау*), слова, которыми подзывают животных (*кс-кс*) и отгоняют их (*кыш*), слова, имитирующие звуки (*дзинь*) и др.), они отличаются тем, что не называют объект, а характеризуют отношение к нему. Междометия занимают особое место в системе языковых знаков, не случайно А. А. Потебня использовал выражение «слова и междометия», тем самым подчеркивая не совсем словесный статус этих образований. Междометия смыкаются с выкриками, находящимися за рамками языка, и с междометными эквивалентами, которые формально представляют собой обычные высказывания, но содержательно выражают только эмоции. Есть и не совсем правильно построенные высказывания, выражающие эмоции, такие высказывания М. Я. Блох остроумно назвал изглашениями.

Модусные эпиномы используются на сокращенной дистанции общения. Например:

Ну ты что, вообще? Прямо как этот! Я улетаю!

Нетрудно заметить, что жаргонизмы и вульгаризмы, которые служат для интимизации общения, выступают в качестве знаков неточного дискурса.

Эпиномам, единицам принципиально неточного дискурса, противостоят знаки относительно точного общения, их предлагается называть **эргономами** (греч. *эрго-* «работа, инструмент»), и знаки принципиально точного общения — **акрономы** (греч. *акро* — «вершина»).

Эргономы представляют собой основную часть знаков обиходного дискурса, они используются в повседневном и институциональном общении, значения этих слов зафиксированы в словарях и должны быть известны всем носителям языка. Граница между эпиномами и эргономами носит нечеткий характер, именно поэтому для построения схемы коммуникативной точности в работе используется понятие шкалы. Эргономы являются нормой фиксации общепринятых смыслов. Как эпиномы, так и эргономы используются в обыденном (рутинном) общении. Но для общения, направленного на поиск новых смыслов, существуют акрономы.

Специфика точного дискурса состоит в том, что его участники стремятся к определению вещей, выходящих за рамки обиходного опыта. Закономерно по-

этому, что акрономный дискурс требует усилий. Эту специфику точного общения метко определил известный отечественный языковед А. М. Пешковский: «Дикари просто говорят, а мы все время что-то пытаемся сказать».

Можно определить основные коммуникативные сферы, в которых требуется точность общения: художественный, научный и документный текст. Я не случайно использую слово *текст* — акрономный дискурс выражается в текстах, чаще письменных, чем устных.

Художественная точность передает эмоциональное состояние автора с обертонами дополнительных смыслов, часто с неожиданными сравнениями и метафорами. В качестве примера поэтической точности приведу стихотворение А. А. Тарковского:

*Стихи попадают в печать,
И в точках, расставленных с толком,
Себя невозможно признать
Бессонниц моих кривотолкам.
И это не книга моя,
А в дальней дороге без весел
Идет по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.
И нет ей опоры верней,
Чем дружбы неведомой плечи.
Минувшее ваше, как свечи,
До встречи погашено в ней.*

Образная структура этого поэтического текста представляет собой сочетание динамических символов — *стихи*, *бессонница*, *ладья*, *плечи* и *свечи*. Речь идет о поэтическом резонансе между миром автора и миром читателя. Образ внезапно вспыхивающих свечей на пустой ладье, плывущей по течению, многомерен и насыщен культурными аллюзиями. Автору не принадлежит сказанное слово — он отправляет свое произведение в неведомое плавание. Этот образ стихотворения как плывущего по течению судна имеет традицию в русской поэзии: *В сухой реке пустой челнок плывет, среди кузнечиков беспмятствует слово* (О. Э. Мандельштам). Поэт с трудом узнает в напечатанном тексте свое стихотворение, которое в какой-то мере становится уже чужим. В памяти автора живы трудные и очень личные моменты рождения текста. Плывущая без весел ладья — это один из образов перехода в царство мертвых. Но сказанное в пустоту слово может обрести новую жизнь, если его услышит незнакомый друг, душа которого откликнется на послание. Это слово способно не только совпасть с переживаниями читателя, но и озарить его мир новым светом. Ярко горящие свечи — это образ храма в глазах человека, находящегося внутри святилища. Идея бессмертия поэтического слова выражена в этом стихотворении предельно точно. Обратим внимание на кульминационную точку в стихотворении — встреча. Образ выделен дополнительной рифмой. Этот образ является, кстати, одним из ключевых в философии,

например, экзистенциальная встреча человека с Богом или с другим человеком, по М. Буберу. Разумеется, толкование символов — это субъективный процесс, возможны и другие прочтения этого текста. Специфика креативного текста состоит в том, что он не поддается однозначному толкованию.

Точность в поэтическом тексте часто достигается с помощью символически насыщенного контраста. Обратим внимание на ключевое противопоставление огня в философской миниатюре Д. С. Самойлова:

*Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь — самосожжение,
Но сладко медленное тленье
И страшен жертвенный огонь...*

В этом стихотворении, на мой взгляд, идет речь о смысле жизни. Один из ключевых моментов религиозного сознания — судный день, к которому нужно готовиться всю жизнь. В этот день мы услышим трубный звук. Поэт находит два определения этому звуку — *безнадежный* и *нагой*. Смерть неизбежна, и поэтому надежде нет места в судный день (вспомним надпись над воротами Ада у Данте: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate* — *Оставь надежду всяк сюда входящий*). Неожиданное определение звука — *нагой* — ассоциируется со смертью (мы уходим, как родились), с беззащитностью (нечем прикрыться), с резкой однозначностью (не до украшений). Эти тяжкие испытания, однако, не страшны тому, кто сумел устоять в жизни. Но жил ли он? Ответом на этот вопрос является тройственное противопоставление огня. Определяя жизнь как самосожжение, поэт акцентирует выбор человека: принять радости жизни (медленное тленье) или отказаться от них. Слово *тлен* означает разрушение, распад. Тлеть — значит гореть без пламени. Но поэт подчеркивает, что это тихое горение сладко для человека. Можно, конечно, в заботах о спасении души отказаться от радостей жизни, принеся себя в жертву. Мы видим финальное определение человеческого отношения к отказу от жизни — страшен жертвенный огонь. В этом стихотворении поэтически точно выражена идея выбора, стоящего перед человеком в жизни — принять радости жизни с неизбежной расплатой за это либо отказаться от них и тем самым победить страх перед смертью.

Итак, специфика художественной точности лежит в символически насыщенном образе, требующем усилий для его понимания и допускающем множественное толкование, при этом такой образ запоминается и перестраивает ценностную систему адресата.

Точность научного общения состоит во множественной характеристике рассматриваемого явления. Прототипным жанром таких точных характеристик выступают научные дефиниции.

Например, Ю. М. Лотман так определяет сущность символа: «Символ отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, определен-

ным подобием между планами выражения и содержания. Отличие между иконическими знаками и символами может быть проиллюстрировано антитезой иконы и картины. В картине трехмерная реальность представлена двухмерным изображением. Однако неполная проективность плана выражения на план содержания скрывается иллюзионистским эффектом: воспринимающему стремятся внушить веру в полное подобие. В иконе (и символе вообще) непроективность плана выражения на план содержания входит в природу коммуникативного функционирования знака.

Содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание. В этом отношении можно говорить о слиянии иконы с индексом: выражение указывает на содержание в такой же мере, в какой изображает его. Отсюда известная конвенциональность символического знака.

Итак, символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. Он посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Роль его — роль семиотического конденсатора.

Обобщая, можно сказать, что структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида» [4, с. 249].

Ученый определяет символ, противопоставляя его как условному, так и иконическому знаку, и делает диалектический вывод о конвенциональности образного содержания символа. Дефиниция символа далее уточняется в направлениях сфер означивания (семиозиса), реальности, культуры и генетической памяти индивида. В этом кратком, но очень емком рассуждении дано точное определение понятия символа, это понятие в философском смысле, по Е. К. Войшвилло, представляет собой сконцентрированную теорию. Обратим внимание на логику рассуждения Ю. М. Лотмана: определяется место объекта в ряду близких объектов (символ похож на условный сигнал и на иконический знак), приводится иллюстративный пример, объясняющий сущность рассматриваемого объекта, делается вывод о его особом качестве (важнейший отличительный признак), определяются функциональные характеристики объекта, из которых вытекают структурные и социально-культурные признаки.

Существует также коммуникативная точность документа, состоящая в строгом соответствии данного текста документообразующим признакам. Рассматривая коммуникативную точность документного текста применительно к деловому письму, Е. В. Ковшикова выделяет ее следующие признаки такой точности:

«1. Коммуникативная точность текста является содержательной (семантико-прагматической) категорией текста, характеризующей его интерпретируемость, и выражается применительно к официально-деловому общению как степень соответствия текста жанровому канону документа.

2. Коммуникативная точность текста делового письма есть сложное образование, в котором выделяются информативные, тематические, структурные и стили-

стико-риторические характеристики, дающие возможность объективно определить степень точности документа.

3. Коммуникативная точность текста делового письма объективно определяется с учетом отклонений от жанрового канона документа в следующих направлениях: 1) информационная неточность (гипер- и гиповербализация, перевод содержания в подтекст, неконкретность); 2) тематическая неточность (невключенность микротемы в тему текста, отсутствие связей между микротемами текста); 3) структурная неточность (композиционная недостаточность и избыточность структуры текста и нарушение линейных связей в нем); 4) стилистическая неточность (повышение либо снижение тона и интимизация общения)» [2, с. 5]. Жанровый канон в его содержательных и формальных границах характеризует точность документного текста.

Подведем основные **итоги**.

По признаку коммуникативной точности можно выделить три интерпретативных модуса дискурса — принципиально неточный, относительно точный и принципиально точный. Первый тип, обеспечивая контакт между коммуникантами, имеет нулевую коммуникативную точность; второй тип в его личностном бытовом или институциональном вариантах подчинен императиву уместности и поэтому относительно точен; третий тип сориентирован на достижение максимальной точности смыслов — художественных, философских, документальных. Неточный дискурс тематически ограничен, реализуется посредством сокращенного кода, обладает высокой предсказуемостью содержания высказываний, тяготеет к указательности и использованию заместительных выражений, проявляется в виде плавной спонтанной устной речи и может быть закрыт для посторонних. Точный дискурс тематически неограничен, требует развернутого кода, характеризуется низкой предсказуемостью содержания высказываний, нацелен на поиск точных обозначений, проявляется в виде осложненной речи и открыт для посторонних. В обиходных ситуациях точный дискурс не востребован, и его доля в совокупной коммуникативной практике человечества относительно мала, но его значимость огромна.

Литература

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. — М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
2. Ковшикова Е. В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Е. В. Ковшикова. — Волгоград, 1997. — 20 с.
3. Кузнецова И. А. Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / И. А. Кузнецова. — Волгоград, 2006. — 19 с.
4. Лотман М. Ю. Семиосфера / М. Ю. Лотман. — СПб.: Искусство, 2004. — 704 с.
5. Сахно С. Л. Приблизительное именование в естественном языке / С. Л. Сахно // Вопросы языкознания. — 1983. — №6. — С. 29 – 36.

6. Филиппова М. А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / М. А. Филиппова. — Волгоград, 2007. — 22 с.

7. Чесноков И. И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): [монография] / И. И. Чесноков. — Волгоград: Перемена, 2008. — 256 с.

Карасик В. И. Интерпретативні модуси спілкування.

Стаття присвячена опису інтерпретативних модусів спілкування в залежності від міри комунікативної точності дискурсу. Останній може бути принципово неточним, відносно точним і принципово точним. Одиниці вказаних модусів визначаються автором відповідно як епіноми, ергономи і акрономи.

Ключові слова: дискурс, модус, акрономи, епіноми, ергономи.

Karasik V. I. Interpretative modusy of intercourse.

Article is devoted the description interpretive modus dialogue depending on degree of communicative accuracy of a discourse. It can be essentially inexact, rather exact and essentially exact. Units of indicated modus are determined by an author accordingly as epinomies, ergonomies and acronomies.

Key words: discourse, modus, epinomies, ergonomies and acronomies.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2010 г.